

— Анна Савицкая —

ТЁМНОЕ
ВРЕМЯ
ШУТОК

Лина Сальникова

Тёмное время шуток

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2017

УДК 82.14
ББК 84(2Рос=Рус)

Сальникова Л.

Тёмное время шуток / Л. Сальникова — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2017

Пока над твоей головой кружится лунная монетка, считай до десяти и угадывай – на какую сторону она упадет. Начинай с конца, читай с начала, выбирай тёмное или светлое – никогда не угадаешь, и слова снова сыграют с тобой эту шутку, черно-белый мир перевернется, чтобы ты запомнил его – таким. Тёмное время шуток Лины Сальниковой – бесконечное мгновение памяти, долгий путь из глубины к свету.

УДК 82.14
ББК 84(2Рос=Рус)

© Сальникова Л., 2017
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2017

Содержание

февраль	6
убийца лилий	7
Пикник в муравейнике	8
мой печальный шут	9
маме о лебедях	10
Баю-бай	11
Матрица	12
тиль	13
Возьми же циркуль	14
Никогда	15
символика	16
Alone in the dark	17
Саломея	18
В городе с тенью	19
Дровосек	20
Аладдин	21
Это лето приносит бури	22
Чаща	23
Городской прибор	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лина Сальникова

Тёмное время шуток

Иллюстрации Яны Климовой

Обложка Анастасии Ростовцевой

февраль

февраль пять лет спустя – скрипучи половицы,
растегнуто окно – февраль пять лет спустя
такой же, как и тот, не переставший сниться;
морозные слова у кадыка хрустят,
а под ногами – снег. въедаются подошвы
в подтаявшую стынь, в растопленную муть.
со мной всегда есть я, какого вспомнить тошно,
и я, каким себе я нравлюсь самому.
давай на пятый круг, раз все опять сначала?
конец споем в конце. куда нам, брат, спешить.
я помню: в первый раз мелодия звучала,
такая, как сейчас. я, феврялями сшит,
небрежно, на авось, как скрученные нити,
держу внутри себя несбывшихся людей.
зачем-то для себя пытаюсь объяснить им
мучительную связь тогдашнего и здесь.
февраль пять лет спустя от года независим:
все так же не смешон февраль пять лет спустя.

в конце нас, может быть, помянут в бенефисе
в честь жизни, а потом, написанных, простят.

убийца лилий

во мне просыпался холодный убийца лилий,
срезающий стебли им, хрупким, – до сока, с хрустом.
зачем вы пришли, не решившие «или-или»,

зачем вы себя отдаете моим искусствам?
картонные и несчастные: «оживи нас».
предмет волшебства, волхования и алхимий.
я молча срезаю стебли наполовину,
и каждый цветок получает в подарок имя.
всё просто в любом колдовстве: не проси – не зная.
убийца и мастер не помнят от просьб отказа.

под солнечным светом улыбка ножа – стальная.

и каждое имя молчит над хрустальной вазой.

Пикник в муравейнике

*Стояли звери
Около двери,
В них стреляли,
Они умирали¹*

Постирали платок – он осенних набрался слёз.
Расстелили постель – никому в ней опять не спится.

У соседских людей чертенёнок на год подрос.
У глубинных зверей морды сделались словно лица.
Я стираю белье у промзоны, где пережжен
яркой ржавчиной дней бельевой опустевший провод.
Ожидание сталкера – осень любой из жён.
Прелесть осени – быть неминуемой и суровой.
А внутри у меня – эта комната под замок.
Тишина из нее смотрит, взгляд неподвижно вперив.

Я хотел испугаться, что выстрелят, но не смог.
Всё равно я останусь зверем под этой дверью.

---

¹ Стишок очень маленького мальчика | А. и Б. Стругацкие

МОЙ ПЕЧАЛЬНЫЙ ШУТ

Пляши, пляши, мой печальный шут.
Корми толпу и смешивай людей.
На мостовой голоса и шум,
и время бьется – сейчас и здесь.
Терпи побои, ты к ним привык —
что сделать челяди площадной,
когда ты видишь такую высь,
что не сравнится с их мрачным
дном?
В тебе, насмешливом, хлещет жизнь —
словами, горлом. Ты гол и нищ.
Держи ладони мои, держи, —
через касание льются дни,
одни и те же – с тобой, другим,
совсем другие – с тобой одним.

И смолкнут на мостовой шаги.
И голосов оборвется нить.

Но мне – с тобой, а совсем не к ним.

маме о лебедях

чего только ни привидится бога ради
как встретишь все это в реальности на беду...
здравствуйте мама я в собственном гордом аде
или чужом гладко вылизанном аду.
завтра целехонек снова туда пойду.

смотришь на мир выплывающий лебедями —
думаешь сам выйти в белом таком пальте.
но лебеди к ночи становятся леблядями
на гадкой и не отражающей пустоте.
а впрочем я мама всё это хотел вертеть.

Баю-бай

Вот и спать ложись, все закончено, баю-бай,
не придут ни волчок, ни гоблин и ни бабай.
это сказка про тех, кто живет у тебя в груди.
если тяжело в груди, говори себе: я один.

Был сим-сим, а теперь двоих ты закрыл в ларец.
больше нет ни царевичей, ни колдовских царевн.
только мысли твои, словно цепь на дубу, звенят.
и огниво надежное не разожжет огня.

оловянный солдатик, оставь одинокий пост.
не борись ни с каким из сюжетов до этих пор.
потому что вся жизнь – и сама по себе борьба.
не пиши о ней сказок, не жди их. и баю-бай.

Матрица

Третий год мы играем в избранных,
первый год мы играем в понятах.

Ничего не сулит реальности,
если жить по законам матрицы.
Если вычеркнуть привкус памяти,
чувство времени, эхо комнаты,
то совсем непонятно главное:
что же общего в нас останется.
Представляясь тебе как Тринити,
преставляясь в сюжетной линии,
я не помню о муках совести
и о чем ты тогда просил меня.
Не пытайся по смутным признакам угадать,
что ещё болит во мне.

Если хочешь сюжета – выбери:
либо красная, либо синяя.

ТИЛЛЬ

тиль улыбается, к ночи припав виском.
знает, что горячей говорить в плечо.
к осени время движется кувырком,
наоборот течет.

у тилля под бабочкой нервничает кадык —
узел тугой все слова ему пережал.
нежность – лишь выдох, немой уходящий дым:
тиль не находит ей нужного падежа.

ночь отстраняется, губ кривизну не скрыв.
с жалостью смотрит, как будто он импотент.
будто не тени двух его мощных крыл,
а боль залегла вдоль стен.

тиль не смеется дольше, чем был готов.
не раздробится от смеха у горла ком.
он стареет, морщинеет, словно дощатый стол:
бандероль неоткрытая, ящичек с пустотой,
обессилевший скрип и безжизненно блеклый тон...

...только бабочка все еще бьется под башмаком.

Возьми же циркуль

Возьми же циркуль, начерти окружность.
Всели в неё свой диковатый цирк.
Как часто те, кто застывал снаружи,
по внутреннему были не спецы.
Живи по центру созданной арены.
Стирай остатки грима, пыль сукна.
Как часто там, снаружи, перемена
бывает нам с арены не видна.
Вся жизнь – преодоление различий.
Люби момент, где векторы сошлись.

Ведь там, в конце – нас, бледных и тряпичных,
засыплет тот же самый нафталин.

Никогда

Забываешь, кто ты такой, кем ты был таков,
за каким тебе звук глухой или честный вой.

Ходишь куклой безликой, болванчиком, дураком.
Замираешь от страха: заметят, что ты живой.
Говорящему выйдет самый последний срок.
На молчание слишком высокий теперь тариф.
Погружаешься в мысли, как пальцы – в песок сырой,
и опять в тебе стынет зажатый руками крик.

Завтра, завтра ты будешь смелым. Дождись утра.
Привыкай, как сквозь пальцы уходят в песок года.
Завтра, завтра... ты просто болванчик, немой дурак.

И молчание не кончается никогда.

СИМВОЛИКА

Он говорит: «Третьи сутки болит ребро —
вот не иначе, как быть тебе нынче Евой».
В символике этой меж ребер, как между строк,
мне бы запомнить, что ад – то, что ноет слева.
Мне бы извлечь себя бережно, целиком,
и выдохнуть, если он сделает этот выдох.

...а я с этой райской невыветренной тоской
по дьявольским искушениям индивидов...

Alone in the dark

Учись и держать лицо, и держать удар,
девочка с сердцем, распахнутым для чудес.
Alone in the dark, нет разницы в городах —
куда бы ни шла ты, тьма достает везде.
Чем чище любовь – тем взгляд у неё больней,
тем слово отточенней, чтоб задевать нутро.
Alone in the dark, кроме тьмы ничего и нет.
Готовь своё сердце под острое серебро.
Пора привыкать, что у света есть кривизна,
и тянутся тени по людям и городам.
Чудес не бывает. Бери свой большой фонарь.
Иди.

Alone in the dark.
In the dark.
The dark.

Саломея

Дали голову, и к ней прилагалось блюдо –
чтоб однажды кровь согревающая вскипела.
Иногда любовь доходит до самосуда
и почти что привычного «больше не ваше дело».

Тело пело, когда от смерти хотелось танца.
Тело стыло, когда любовь заходила с тыла.
Ни один из живущих не считывал интонаций.
Ни одним из живых мелодия не забылась.

За секунду до поцелуя ты ищешь выход,
За секунду до поцелуя я каменею.
Ничего, что в моей голове теперь слишком тихо.
Ты ведь долго выпрашивал это, мой Саломея.

В городе с тенью

В городе с тенью кленов или платанов осень едва ощутима, всегда спонтанна. Птицы на проводах – узелки на память, идёшь и считаешь, что при себе оставить. В улицах с вечно певучим эстрадным тембром сложно забыться, легко не сбиваться с темпа плиток, шагов, трамвайных путей по кругу. Хочешь сбежать от себя – поверни за угол. Юг обнимает за плечи – сентябрь жаркий. Нет ни навеса, ни тени, ни дня, ни арки, где можно стоять, если время бежит не с теми. Хочешь – молчи, пока вечер не опустеет. В городе света и тени, фонарных льдинок всегда различаешь, кому ты необходима.

Но осень плетёт паутину в оконной раме.

И ты просыпаешься
в зимнем
чужом
и странном.

Дровосек

Вот заходишь порою один в чудесатый лес —
дровосек дровосеком, а в дебри себя полез.
И, уверенный, рубишь стволы: «Хороша доска», —
не дрожит рука.

Расползаются змеи, напуганы, из коряг,
птицы мечутся, у лисицы глаза горят —
всё орет в тебя, узурпатора-дурака —
не дрожит рука.

Натаскавшийся вдоволь щепок сухих и дров,
ты, пустой, развороченный, руки растерший в кровь,
предвкушаешь: «Построю из этого дом — и ка-а-ак...»
...но дрожит рука.

Аладдин

Никакой нет прелести в том, что привык один.
Аладдин, паладин, ты боишься терять людей.

И поэтому внутренний цензор всегда следит за моментом,
когда указать им: «Ваш дом не здесь». Откреститься до
Крестного хода, сказать им «чур, я от вас защитил эту кре-
пость внутри груди. Чтобы вас не любить – о любви своей я
молчу». И смотреть, кто из них не торопится уходить. В нож-
нах нет нужных слов для них, воин и Аладдин. Цензор души
искал, а находит лишь груды тел.

Ты их сам убивал. Ты и правда теперь один.
Будь по-твоему. Ты ведь этого так хотел.

Это лето приносит бури

Это лето приносит бури, дурные сны, половодье и многолюдье конца весны, боль своих, поражения дальних или чужих, хаотичные тиканья или больной режим, что мейнстримом повреждены.

У меня есть возможность беречь их и выключать, быть покоем, сестрой, оберегом в ближайший час. Их историей, эхом и смехом, теплом и сном. Говорить об одном и молчать с ними об одном. Звать врача или палача.

Утешать их: «Однажды ты станешь совсем иным», не давать им советов, подсказывать им коню, отпускать их гулять конем и ходить с коня. Только все это можно делать и без меня.

Небо тянет под одеяло остаток дня.

Тишины.

Чаща

И клубилась чаща – зеленый дым,
ни один не выбрался молодым.
Вот таким, как был, собирался в путь,
похвалялся «пройду ее как-нибудь!»
Ни один не вынес ее внутри —
там укол сосновый, совиный крик,
скрип ветвей в холодном ее ветру.
Эту чащу и пламенем не сотрут.

Я иду, держа ее на весу:
никого не вспомню и не спасу.
Потому что никто не просил спасать.
Ветром вспороты кроны – и небеса
льются черною кровью, совсем густой,
пахнет чьим-то смолистым, глухим «постой!»,
но нельзя оборачиваться, нельзя —
сгинут все, кто однажды был чащей взят.
А в руках у меня – не огни, но свет.
А в глазах у меня: посмотреть наверх
и увидеть, как звездная каплет кровь
из разреза тяжелых шуршащих крон.

Говори не со мной – я к словам привык
так, что мой обездвижен давно язык,
так, что горло сипит, словно шепот чащ —
вот как долго я имя твое молчал.
На две стороны кроны – все мгла и мгла,
словно черно-зеленые два крыла,
словно птица косматая – не взлететь —
зацепила, ложась, ветровую сеть.
Говори не со мной – я листва и мох,
я хотел обернуться, но я не смог.

И ни глаз твоих света, ни света звезд...
Только с чащей друг в друге мы – в полный рост.

Городской прибой

Ни черта это не стихи. Это нас с тобой разбивают часы,
заглушает ночной прибой. Разделяют людские помехи и
рассинхрон так, что каждый другого слышит наоборот. Это

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.